



В.В.БОЧЕНКОВ

ПОДПОЛЬНЫЕ СТАРООБРЯДЧЕСКИЕ ТИПОГРАФИИ В КАЛУЖСКОЙ ГУБЕРНИИ (ПО ФОНДАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ)

В середине 1860-х годов поселился в Боровске “близ общественных конюшен” медынский мещанин Иван Матвеевич Шувалов. Родом был он из маленькой деревушки Таракановки Медынского уезда, населённой одними старообрядцами. Лет ему было в ту пору около 25.

В конце 1867 г. Шуваловым серьёзно заинтересовалась боровская полиция.

Сведения, что в городе существует подпольная старообрядческая типография, имелись у властей давно. Московский обер-полицмейстер сообщал секретным письмом Калужскому губернатору, что некий житель Боровска по фамилии Воробьёв и купец Мешков печатают якобы книги, которые потом “рассылаются по разным местам”. Боровский уездный исправник выяснил, что в доме Воробьёва лет 5 тому назад действительно была типография, но сейчас она перенесена в какое-то другое место. За домом Воробьёва установили наблюдение. Наконец полиция вышла на Шувалова.

16 декабря 1869 г. дом, где жил Шувалов, оцепили солдаты расквартированной в городе артиллерийской бригады. Им разъяснили, что предстоит обыск, а искать нужно машину для печатания фальшивых денег или книг. Хозяина не оказалось дома. В ходе обыска нашли клей, сухие краски, а во дворе — мешок с книгами, завёрнутый в рогожу. Когда стали рыть землю в подвале, наткнулись на доски. Решили было их ломать. Но, понимая, что типография обнаружена, жена Шувалова сама указала вход в подземелье. Он находился в кухне, где нужно было поднять одну доску между лежанкой и стеной — открывался лаз, который вёл в землянку. Освещалась типография лампами. Её площадь составляла 4,5 на 5 аршин (примерно 3 на 3,5 метров). В землянке был

найден станок, буквы для набора, сухие краски, медные досточки с узорами для украшения книг, смятые бракованные страницы с отпечатанным текстом молитв. Станок пришлось разобрать, чтобы вытащить. Обыск продолжался 8 часов.

На допросах, а позже на суде Иван Шувалов оправдывался: книги и даже бракованные листы он-де купил вместе со станком у неизвестного человека в Москве. Типографское дело у него не пошло. “Я думал сам печатать книги, но этого сделать не сумел, и станок стоял без действия. Я хотел его продать, но покупателей не было”. По заключению цензурного комитета московской духовной семинарии книги Шувалова оказались “обыкновенно раскольнического характера”. Следствие проверило широкий круг лиц, подозревавшихся в причастности к делу о типографии. 19 декабря был проведён обыск в доме боровчанина Анании Воробьёва, занимавшегося перепродажей единоверческих и синодальных книг. Полиция застала у него Шувалова, который полчаса тому назад ушёл с допроса. Но этот обыск и прочие следственные действия не дали результатов...

В октябре 1869 г. суд вынес приговор Шувалову. К обвинению в содержании тайной типографии прибавили самовольную отлучку из города после подписки о невыезде. Шувалов оказался перед выбором: либо 3 месяца тюрьмы, либо 45 ударов розгами. Что он выбрал — неизвестно (1).

После суда Шувалов переехал в родную Таракановку. Прошло несколько лет, в полицию поступили сведения, что в некоторых деревнях таракановской округи, возможно, действуют подпольные типографии. Из-за нехватки данных сложно оценить роль Шувалова в становлении старообрядческого книгопроизводства в губернии. Его имя в 1870-е годы в полицейских донесениях прямо связывается с нелегальным типографским делом. Но причастность к нему полиция на сей раз не доказала, и к суду Шувалов не привлекался.

В октябре 1875 г. Шувалов переехал в Медынь, открыл при доме лавку, где торговал молоком и овощами. Других сведений о нём выявить не удалось. Можно добавить, что в 1910-х годах в члены совета медынской старообрядческой общины входили братья Алексей и Афанасий Ивановичи Шуваловы — вероятно, его сыновья (2).

В первой половине 1870-х годов обер-прокурор Синода получил сведения, что старообрядцы в большом количестве печатают книги, необходимые при богослужении и для духовного чтения.

Из списка, который получил в 1874 г. из МВД Калужский губернатор, можно сделать вывод, какая именно духовная литература пользовалась спросом среди старообрядцев. Там значатся Псалтырь, Видение Св. Григория, святцы, каноники, скитское покаяние, творения Иоанна Златоуста, жития Иоанна Богослова, Андрея Цареградского, общая минея. “На всех этих книгах в конце значится, что они перепечатаны с подлинников времён патриарха Иосифа в Почаевской типографии, но по рассмотрении двух из них, святцев и часовника, действительный тайный советник граф Толстой пришёл к заключению, что они не труды Почаевской типографии, которым приписаны, а изделие какой-то подпольной печатни, в которой нет ни знающих мастеров, ни порядочного корректора, ни даже приличного шрифта. Бумага взята грубая, подходящая к употреблявшейся в старое время, но печать прямо бросается в глаза: слова и буквы красного цвета стоят то выше, то ниже чёрных и наоборот; во многих местах тексты молитв перепутаны и искажены, листы подклеены, оглавление выбрано неверно” (3). Вряд ли такую книгу кто-то купил бы, вероятно, граф Толстой рассматривал бракованный или пробный экземпляр. По сведениям Синода, книги печатали в Медынском уезде Калужской губернии, в частности — в Таракановке.

Чинovníк особых поручений, проводивший расследование по этому письму, заключил: “Печатания книг духовного содержания в Медынском уезде раскольниками не производится и никаких подпольных печатней в уезде не существует, в чём я лично секретным путём, на месте убедился” (4). Спустя всего лишь несколько дней после того, как чиновник подал губернатору свой рапорт, медынский уездный исправник задержал в Таракановке двух крестьян с возом больших листов бумаги, “свежеотпечатанной церковными буквами”. То были “Притчи Евангельские”, “Описание жития Прекрасного Иосифа”, “Описание страстей Господних”, “Поучение о покаянии”, “Толкование о втором пришествии”, “Пророческие речения” и ряд других текстов. Один из крестьян, Митрофан Иванов, был из Таракановки, другой жил в д. Носово Верейского уезда Московской губернии. Оба объясняли, что воз им достался от неизвестных торговцев “с тем, чтобы доставить этот товар в г. Можайск” (5).

В январе 1875 г. калужские власти получают секретное письмо

из Министерства внутренних дел. “В настоящее время действительный тайный советник граф Толстой ... уведомляет, что по дошедшим до попечителей Московской единоверческой типографии купцов Рыжкова, Чимарсова и Ленинова слухам, крестьянин Медынского уезда д.Таракановой Иван Матвеев (Шувалов. — В.Б.) содержит тайную типографию для печатания раскольнических книг” (6). Интересовались Шуваловым и раньше. Он якобы продал печатный станок в Мосоловку — старообрядческую деревню в Смоленской губернии. Потом, “по народной молве”, станок вернулся назад, но обнаружить его тогда не удалось.

Полиция провела расследование. Выяснили, что сам Шувалов типографию не содержит, но часто бывает в Мосоловке, где якобы помогает печатать книги, организывает их сбыт в Москве. Тем же самым занимается уже упоминавшийся Митрофан Иванов. В нелегальном производстве книг подозревались братья Тимофеевы из пустоши Сосово Гжатского уезда Смоленской губернии и некто Алексей Иванов из Мосоловки, которого в документах называют и зажиточным крестьянином, и старообрядческим священником.

В 1879 г. полиция опять обратила внимание на Таракановку. Поступили сведения, что здесь, в доме крестьянина Клычкова, действует типография, принадлежащая ... социалистам. Поводом к расследованию послужили анонимные письма в III отделение Его Императорского Величества канцелярии и прокурору Калужского окружного суда. Обыск у Клычкова ничего не дал (7).

Благодаря “исключительно энергичным” действиям медынского уездного исправника Журавлёва анонимщик был выявлен. Им оказался крестьянин д.Семёновской (располагается в 2 верстах от Таракановки) Пётр Петров. Занимался он тем, что писал прошения и приговоры в волостном суде. Почерк одного из таких приговоров совпал с почерком анонимки, что потом подтвердила экспертиза.

Поиски типографии продолжались. Спустя несколько месяцев в д.Басманово Гжатского уезда Смоленской губернии полиция арестовала нескольких крестьян, причастных к печатанию книг, изъяла станок и принадлежности к нему. Арестованные были из Мосоловки (8). Подробную информацию об этой типографии следует искать в Государственном архиве Смоленской области.

В рапорте медынского уездного исправника Калужскому губер-

натору от 7 марта 1880 г. по поводу дела о типографии в Басманове есть любопытные сведения о крестьянине Игнате Михайлове, который был родом из Медынского уезда и постоянно жил в Мосоловке при местной моленной. Его подозревали в соучастии, но аресту не подвергли. "Михайлов человек уже старый и, принадлежа с давнего времени к расколу, пользуется общим к нему расположением и уважением; за свои подвиги по вере произведён даже в монашество и именуется в среде раскольников иноком Ипатием. Ипатий даёт многим советы и старается предсказывать будущее; на днях к нему пришли две крестьянские женщины, и одна из них, желая узнать будущее, вступила в разговор, начиная так: "Вот, батюшка отец Ипатий, все нашего царя-то стараются убить, что же тогда будет, когда его не будет?" На это Ипатий ответил: "На Руси православной есть старообрядческий монастырь София, там под престолом находятся мощи Михаила Архангела, и вот когда Государя убьют, то на место его Бог пошлёт царём Михаила Архангела. Тут поднимется большое пьянство и Михаил Архангел откажется от управления делами, и тогда будет конец света и явится Антихрист" (9). Дочь одной из женщин донесла о разговоре приходскому священнику, тот сообщил обо всём в полицию. Женщины отказались пересказать свой разговор становому приставу. Возможно, какие-то детали в письме исправника искажены, ведь разговор передавался по длинной цепочке людей: дочь — священник — смоленская полиция — медынский уездный исправник.

Причастность инока Ипатия к печатанию книг не подтвердилась. По сведениям Смоленского жандармского управления, он занимался лишь чтением псалтыря по умершим, чем и жил, влияния на мосоловских старообрядцев не имел. И тем не менее, этого семидесятилетнего старика по предписанию Калужского губернатора выдворили из Мосоловки в его родную д.Станки Медынского уезда, установив за ним негласный надзор (10).

Итак, в 1870-е годы на территории Калужской губернии, в отличие от Смоленской, не было раскрыто ни одной типографии, хотя слухи о них ходили всё десятилетие.

В 1881 г. гжатский уездный исправник вышел на нелегальную типографию в д.Солопы Медынского уезда. Здесь в овчарне был обнаружен станок и 5 тюков с книгами. Они принадлежали медынскому мещанину Мартину Рогачёву и крестьянину из Мосо-

ловки Иосифу Волкову. Рогачёв предлагал уряднику 50 рублей “за сокрытие дела”, потом 100 и наконец, “сколько он хочет”. Страж закона оказался неподкупным (11). В результате по приговору Калужского окружного суда Рогачёв заплатил в государственную казну 75 рублей штрафа. С Иосифа Волкова взыскали 100 рублей и подвергли на 5 недель аресту (12). Печатание книг в Солопах не производилось, станок был только-только привезён, не хватало каких-то деталей к нему. Так утверждали арестованные. Откуда у них оказался станок, сведений не обнаружено.

В 1885 г. полиция наконец рассекретила типографию в Таракановке. В избе уже упоминавшегося Тимофея Клычкова в чулане и под полом в сарае становой пристав отыскал 20 фунтов новых литер, несколько старообрядческих книг, банки с краской. Когда в сарае перевернули сено, обнаружили 9 кип писчей бумаги весом в 20 пудов (320 килограммов). При дознании удалось выяснить, что Клычков поставляет книги московскому купцу Большакову, “торгующему книгами и образами на площади у Ильинских ворот” (13). Клычков придумал несколько наивных оправданий: литеры нужны ему как свинец в слесарном ремесле, краска — подновить экипаж, бумага — для оклейки. Экспертиза подтвердила типографское назначение бумаги (14). Месяца через 3 полиция повторила обыск на усадьбе Клычкова, был найден ящик с разобранным станком, узоры для церковных книг, формы для литер, бывшие, судя по следам, в употреблении. Затем на улице, между сараями крестьян Митрофана Иванова, уже знакомого нам, и его брата Владимира Иванова (в ту пору в Таракановке жил старообрядческий священник с таким именем и фамилией), нашли детали типографского станка. В декабре 1885 г. Калужский окружной суд приговорил Митрофана Иванова к аресту при полиции, а Клычкова — к тюремному заключению (15). Как свидетельствует книга Медынского уездного полицейского управления о содержащихся в местном тюремном замке арестантах, Тимофей Клычков провёл в его стенах 2 месяца, с 11 мая по 11 июля 1886 г. (16). Его дальнейшая судьба не прослеживается, но известно, что Клычков, как и Митрофан Иванов, принимал в последующие годы активное участие в жизни таракановской старообрядческой общины, ходатайствовал о распечатании местной моленной, закрытой властями.

Последняя из рассекреченных старообрядческих типографий была

обнаружена в Калужской губернии в д.Филатово, в нескольких верстах от Таракановки. Она находилась у местного крестьянина Пантелея Степанова. Во дворе под омшаником, утеплённым сараем, где зимуют пчелиные ульи, он устроил “подземную комнату”, где, возможно, успел напечатать какое-то количество книг. Калужский окружной суд приговорил Пантелея Степанова к штрафу в 50 рублей. Такой штраф оказался Степанову не под силу. Тогда ему заменили денежное взыскание на 3 недели ареста при полиции (17).

Документы не сохранили сведений о тиражах печатавшихся в губернии книг. Известно лишь, что из старообрядческих деревень и сёл их вывозили возами. Так, в одном из рапортов чиновника особых поручений при Калужском губернаторе указано, что в гжатской д.Мосоловке владельцем типографии является местный старообрядческий священник Алексей Иванов, который “целый воз книг отправил раскольникам в уезды: Верейский, Можайский и Боровский, и часть в д.Таракановку” (18).

Все типографии, выявленные в 1880-х годах на территории Калужской губернии, находились в Медынском уезде, в том его районе, который примыкал к Гжатскому уезду Смоленской губернии. Часть Медынского и Гжатского уездов представляла собою, таким образом, особый “типографский” регион — центр старообрядческого книгопечатания. Несмотря на административно-территориальные границы, разделявшие 2 губернии, старообрядцы обоих уездов поддерживали друг с другом тесные связи. Типографское оборудование переходило из рук в руки. Книгопроизводители имели каналы сбыта в разных городах, сёлах, деревнях. Импульсом к развитию книгопроизводства послужило бурное становление старообрядческих приходов во второй половине XIX в., связанное с восстановлением церковной иерархии, появлением старообрядческого духовенства. Но почему типографское дело расцвело именно на границе Медынского и Гжатского уездов, объяснить сложно.

Установить точное число нелегальных старообрядческих типографий не представляется возможным. До нас дошли сведения только о раскрытых типографиях. Это судебные и следственные дела, межведомственная переписка. Сведения и слухи о нелегальном производстве книг нередко заставляли полицию пускаться на розыски, однако часто не подтверждались.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Боченков В.В. Подпольная старообрядческая типография Шува-лова в Боровске // Боровск: страницы истории. 1999. №1. С.12—14.
2. Там же. С.14.
3. ГАКО. Ф.32. Оп.15. Д.114. Л.1—2.
4. Там же. Л.3.
5. Там же. Л.8—8об.
6. Там же. Л.17—17об.
7. Там же. Оп.13. Д.3243. Л.25—25об.
8. Там же. Л.36—36об.
9. Там же. Л.30об.
10. Там же. Л.44.
11. Там же. Ф.56. Оп.2. Д.128. Л.1—1об.
12. Там же. Л.15, 21, 25.
13. Там же. Ф.32. Оп.13. Д.4492. Л.1.
14. Там же. Л.6об.
15. Там же. Л.19.
16. Там же. Ф.790. Оп.1. Д.346. Л.37об.
17. Там же. Ф.32. Оп.13. Д.4602. Л.1, 14.
18. Там же. Оп.15. Д.114. Л.3об.